

СЕКС ПЛЯЖНОГО РАЗВРАТА

DREAM DEBIT

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

DREAM DEBIT

СЕКС ПЛЯЖНОГО РАЗВРАТА

«Автор»

2026

DEBIT D.

СЕКС ПЛЯЖНОГО РАЗВРАТА / D. DEBIT — «Автор», 2026

Меня зовут Макс. Мне двадцать пять. Я живу в одной квартире с Фионесой — девушкой, которую знаю шесть лет, с которой мы прошли училище и теперь делим кухню, утренний кофе и тишину. Я зову её про себя «мой океан» — за голубые волосы, за вспыльчивый характер, за то, как она умеет быть рядом, не спрашивая лишнего. Она спит голышом, ходит по дому без стеснения, а я делаю вид, что это норма. Мы друзья. Просто друзья. Так было шесть лет. Но всё меняется, когда её подруга Листия расстается с парнем. Постепенно в нашу тихую жизнь входит то, чего мы оба боялись: ревность, желание, недосказанность. А потом появляется приглашение — на остров. На пляж, где ночь пахнет солью, а воздух густеет от чего-то, что не имеет названия. Где люди перестают стесняться. Где тела говорят громче слов. И где всё, что мы прятали друг от друга, выйдет наружу. Это история о дружбе, которая не выдержала расстояния. О страсти, которая началась с одного взгляда. И о пляже, который изменил всё.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

DREAM DEBIT

СЕКС ПЛЯЖНОГО РАЗВРАТА

Пролог

Вчера я так стремительно уходил, что лето, казалось, сдалось без боя — оставив первый жёлтый лист, влажные и прохладные дни осени. А я всё ещё сидел на острове. Море голубого цвета пожирало бело-золотистый берег, оставляя лишь брызги, что летели мне в лицо. Ветер задувал под футболку, плавки давно промокли.

Сегодня прошла неделя, как я здесь.

Приглашение было спонтанным. Без раздумий, без сомнений. Только радость и интерес — что будет дальше.

Сначала всё шло хорошо. Но чем больше проходило дней, тем яснее я видел: Листия делала всё, чтобы разлучить меня с моими близкими. И уже сейчас — нечто большее, чем просто отношения с Фионесой, — больше не пускало меня домой. Там, далеко, на острове, где горит свет, мне просто выносили еду. Не позволяли приблизиться. А ей говорили, что я её бросил.

Вернувшись обратно, я перестал видеть её уже на пятый день.

И вот теперь я сижу здесь, на этом берегу, и знаю: она увидит. Это стих — вдоль берега. Поднявшись на ноги, я пальцами по холодному песку выводил каждую строчку, чуть дальше моря, чтобы его не смыло.

На берегу забытых вещей
Склонившись, смотрел я вдали,
Где остров, укрытый волнами,
Терялся в вечерней дали.

Там ночь озарила наши сны,
И волны, шурша у песка,
Так тихо омыли тот берег,
Где грезилась мне ты слегка.

И море голубое светилось,
Качаясь под лунной звездой,
А мысли мои, словно птицы,
Неслись за тобою волной.

Лишь кожа твоя обжигала
Мои неприкаянные пальцы,
И я не посмел подойти —
Мне страшны были очи твои.

Твои голубые глаза
Как небо, что близко и свято,
А крылья, что я тебе нёс,
Ты спрятала где-то куда-то.

И разум твой, будто туманом,

Покрылся безмолвною мглой,
А подруга винила меня,
Что я согрешил пред тобой.

Что, может, я видел Люцифера
И у его стоял у ворот,
Где боль за тобою ходила
За мною, как тёмный народ.

И боль лишь тобою жила,
И в сердце оставила порок.
Я столько терпел эту муку,
Что стал сам себе одинок.

Но море молчало у берега,
И ветер качал камыши,
А я всё искал твою тень
В вечерней немой тишине.

И если любовь — это море,
То мне не уйти от волны:
Я всё ещё слышу твой голос
В далёком дыхании тьмы.

А руки мои, что дрожали,
Устали держать эту боль.
И ночь надо мною склонилась,
Как чёрная траурная соль.

Но всё же я медленно встану
И прочь отойду от огня —
Пускай даже море забудет,
Что ты когда-то любила меня.

Глава 1

Воздух в комнате был густым, как сироп. Я лежал на спине, чувствуя, как кровь тяжело перекачивается в паху, медленно, настойчиво, напоминая о себе тупой пульсацией, которую утро приносило каждый раз, когда я просыпался в этой постели. Глаза еще не открылись, но тело уже знало: пора вставать. Пора разбираться с этим ритуалом, который я ненавидел — стоять перед унитазом, ждать, пока успокоится, тратить на это драгоценные минуты, когда можно было просто жить.

Но сегодня я не стал ждать. Сбросил одеяло, встал, натянул шорты прямо поверх трусов, не заботясь о том, как это выглядит. В коридоре пахло кофе и фруктами — Фионеса уже встала.

Она стояла у двери моей комнаты, прислонившись плечом к косяку. Светлые волосы взлохмачены, на губах — сонная улыбка, которая всегда появлялась, когда она смотрела на меня. В шелковом халате, накинутом на голое тело, она выглядела так, будто только что вышла из сна и еще не решила, хочет ли возвращаться в реальность.

«Доброе утро, — повторила она мягко, и в голосе ее звучала та же ленивая нежность, что и всегда. — Ты так спешишь?»

Она не сразу отступила в сторону. Стояла, изучая меня взглядом, который я знал уже шесть лет, но который каждый раз заставлял мою кожу покрываться мурашками. Я чувствовал, как член упирается в ткань шорт, и знал, что она видит. Знал, что она не отводит взгляд.

«Не совсем спешу, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но хочу пройти в туалет. Видать, на днях выпил много воды».

Фионеса тихо фыркнула, отступая от косяка. Ее пальцы скользнули по моему плечу, когда она проходила мимо, — легкое, почти невесомое прикосновение, от которого я замер на секунду.

«Вода — это всегда хорошо, — шепнула она с ухмылкой, которая говорила: я знаю, что ты делаешь, и мне это нравится. — Только не забудь вымыть руки».

Я рванул в ванную, захлопнул дверь и прислонился лбом к прохладному кафелю. Сердце колотилось где-то в горле. Чертова Фионеса. Чертова ее улыбка. Чертова наша общая квартира, где стены такие тонкие, что я слышу, как она дышит во сне.

Стянул шорты, сбросил трусы. Струя ударила в фаянс, и я выдохнул, чувствуя, как напряжение уходит из тела. Ногой подцепил трусы, бросил их в стиральную машину. Шорты — туда же. Когда закончил, стряхнул член, повернулся к двери и вышел в коридор.

Полностью голый.

Фионеса стояла там же, где и раньше. Ее глаза расширились на долю секунды — и я успел заметить, как зрачки расширились, как она сглотнула, как ее рука дрогнула, сжимая край халата.

«Ого, — выдохнула она, и в голосе ее звучал смех, сдавленный, почти нервный. — Я про что говорила?»

Она отвернулась, пряча улыбку, но я видел, как покраснели ее щеки. Видел, как она сжимает кулаки, чтобы не смотреть на меня снова.

«Ну простите, — я пожал плечами, чувствуя, как воздух в коридоре становится гуще. — Я только проснулся. А нам нечего стесняться — все знакомы уже шесть лет. С шараги».

Она подняла бровь, скрестив руки на груди. Ухмылка медленно сползла с ее лица, сменяясь чем-то более серьезным, почти уязвимым.

«Шесть лет в шараге — это одно, — произнесла она спокойно, но я слышал напряжение в ее голосе. — Но тут всё-таки мой коридор».

Она сделала шаг назад, давая мне пройти, и я прошел мимо нее, чувствуя, как ее взгляд скользит по моей спине, по ягодицам, по ногам. Я улыбнулся, но не обернулся.

«Зделай, пожалуйста, кофе, — бросил я через плечо. — И если хочешь, сегодня можешь побыть без одежды. А я составлю компанию на кухне».

Она смотрела на меня с легкой усмешкой, и в этой усмешке было столько всего: и вызов, и нежность, и что-то еще, что я не мог назвать. Она повернулась к плите, и звук наливаемой воды разрезал тишину коридора.

«Наглый, — тихо выдохнула она. — Кофе сделаю. Но правила дома устанавливаю я».

Я подошел к столу, отодвинул металлические ножки стула, сел на мягкое кожаное сиденье. Запах свежесваренного кофе заполнил кухню, смешиваясь с ароматом круассанов, которые она, видимо, разогрела. Фионеса поставила чашки на стол, тарелку с выпечкой — рядом. Села напротив, отпила из своей чашки, не глядя на меня.

Я протянул руку, взял кружку с черным, горьким кофе, сделал глоток. Горячая жидкость обожгла горло, но я не отводил взгляда от ее лица. Она чувствовала это — я видел, как напряглись ее плечи, как она чуть прикусила нижнюю губу.

«Что уставился? — спросила она, прищурившись, но уголки губ предательски дрогнули в улыбке. — Кофе вкусный, или я так хорошо сплю?»

«Самый красивый и вкусный кофе в целом мире — это ты», — ответил я, и слова вылетели прежде, чем я успел их остановить.

Фионеса тихо рассмеялась, отпивая свой кофе. В этом смехе было что-то теплое, почти детское, и я почувствовал, как сердце сжимается.

«Осторожнее, — шепнула она с мягкой насмешкой. — А то сейчас покраснею».

Она взяла круассан, надкусила его, и я смотрел, как она жует, как ее губы смыкаются на хрустящей корочке, как она слизывает крошки с пальцев. Моя голова каждый раз, когда я видел ее красоту, прокручивала странные мысли: как же мне повезло ее встретить. Пусть характер у нас был тяжелый у обоих, но Фионеса манила меня не только своей красотой, но и внутренним миром. Хоть иногда у нас были разные взгляды на жизнь, но ни она, ни я никогда не думали покидать друг друга. И дело было не в доме и не в деньгах — что-то другое тянуло нас друг к другу.

«Ты иногда слишком много думаешь, — мягко произнесла она, не отрывая взгляда. Она взяла кусочек круассана, медленно жуя его. — Но мы ведь всегда справляемся. С любым характером».

Я смотрел на нее, и слова лились из меня, как вода из прорванной трубы. Я говорил о том, как она меня будит по утрам, как восхищает ее резкий и прямой характер, как она пытается показать себя главной, но всё же идет на уступки. Как она может ходить полностью голой по дому и не стесняться меня. Как в моменты наших взглядов она искренне улыбается. Как она может просто так, без плохих мыслей, обнять меня голышом и легонько поцеловать в шею сзади. Или когда мы смотрим фильм, а она делает вид, что смотрит, но на самом деле смотрит на меня, нежно поглаживая мою руку, чуть скрежеща зубами в те моменты, когда думает, что какая-то девушка может меня увидеть.

Фионеса замерла. Она медленно поставила кружку на стол, и ее взгляд заметно потемнел. В нем появилось что-то, чего я не видел раньше — страх? Уязвимость? Ярость?

«Ты слишком много понимаешь, — шепнула она, отводя глаза в сторону. — И совсем не то, что я хочу».

Тишина повисла в воздухе, тяжелая, как мокрое одеяло. Я смотрел на нее, чувствуя, как слова застревают в горле.

«Я не буду стараться как-то... не навредить своими словами, — сказал я, и голос мой прозвучал глухо. — Прости».

Фионеса медленно выдохнула, убирая руку со стола. Ее лицо стало маской, но я видел, как дрожит ее нижняя губа.

«Не обижайся, — тихо произнесла она. Голос звучал мягче обычного, но в нем скрывалось напряжение, которое я чувствовал кожей. — Я просто устала от этих разговоров».

Я поднялся из-за стола. Медленно, не говоря ни слова. Прошел в свою комнату, открыл ящик с нижним бельем. Надел белые трусы, черные носки, красную футболку, спортивные штаны красного цвета от костюма. Овернулся к столу, протянул руку, взял ключи от машины. И направился вниз, на первый этаж.

Я слышал, как она встала. Как чашка ударилась о дно раковины — глухой, тяжелый звук. Как она выдохнула мое имя — хрипло, почти беззвучно.

«Стой».

Я остановился у порога входной двери. Рука уже лежала на ручке, но я не поворачивал ее. Ждал. Как будто ждал награду.

Фионеса распахнула дверь. Ее взгляд скользнул по мне сверху вниз, и я почувствовал, как он обжигает кожу.

«Куда собрался? — тихо спросила она, опираясь плечом о дверной косяк. — Я же не сказала идти».

Я медленно повернулся, как статуя, и чуть улыбнулся. Поднял правую руку к ее лицу, а левой указательным пальцем показал на стрелку часов, напоминая, что мне надо выйти на работу пораньше. К семи утра. Парень, который сегодня работал, заболел, и мне надо его подменить.

«И, помойму, сегодня на смене со мной еще одна девушка, — я почесал рукой затылок, делая вид, что вспоминаю. — Ее зовут... блин, забыл. Ну, как там ее? Твою подругу. Вы с ней на тортах работаете, под заказ».

Фионеса перехватила мое запястье. Ее пальцы сжались крепко, и я почувствовал, как ногти впиваются в кожу. Взгляд ее потемнел, стал почти черным.

«Какая еще девушка? — тихо произнесла она, делая медленный шаг ко мне. — Я не помню никого».

Я сделал вид, что вспоминаю. Прищурился, потер лоб.

«Блин, как же ее звали... А, вспомнил. Лисия».

Хватка на моем запястье стала жестче. Фионеса не сводила с меня глаз, и в них было что-то, от чего у меня пересохло во рту.

«Лисия? — выдохнула она это имя с явным презрением, медленно сокращая расстояние между нами. — Ты точно знаешь, кто это».

«Ну как, видел. Вы работаете с ней в кондитерской, делаете вместе торты. Ей вроде 22 года. Младше тебя и меня».

Фионеса медленно отпустила мое запястье. Она смотрела в пол, и я не видел ее лица, но чувствовал, как напряжение искажает ее черты.

«Она просто коллега, — глухо произнесла она, отступая назад. — Иди на свою смену».

Я повернулся к двери, открыл ее, шагнул на лестничную клетку. Но прежде чем закрыть за собой, я обернулся.

Фионеса стояла в проеме, и в свете утреннего солнца, падающего из окна, она выглядела так, будто ее только что ударили. Руки сжаты в кулаки, плечи напряжены, губы сжаты в тонкую линию. Она смотрела на меня, и в этом взгляде было столько всего, что я не мог дышать.

Я закрыл дверь. Спустился по лестнице, вышел на улицу. Сел в машину, завел двигатель, и только когда выехал со двора, позволил себе выдохнуть.

Солнце слепило глаза, но я видел только ее лицо. Только ее глаза, потемневшие от ревности. Только ее руки, сжатые в кулаки. Только ее губы, произносящие имя, которое я не должен был произносить.

Лисия.

Я ударил ладонью по рулю.

Черт.

Черт, черт, черт.

Я знал, что это имя вызовет реакцию. Знал, что Фионеса не выдержит. Но я не думал, что это будет так больно — видеть, как она страдает.

Я нажал на газ, и машина рванула вперед, унося меня от дома, от нее, от всего, что я только что разрушил.

Но я знал, что вернусь. Всегда возвращался.

И она знала.

Потому что шесть лет — это не просто срок. Это привычка. Это зависимость. Это любовь, которую мы оба боялись назвать своим именем.

Я держал ее руки. Ладонь к ладони. Она не отпускала.

Пальцы Фионесы были холодными, хотя на кухне было тепло — чайник еще не остыл, на плите стояла кружка с недопитым кофе. Она смотрела вниз, на наши руки, и я видел, как дрожит ее подбородок.

— Фионеса, — тихо сказал я. — Твои глаза как два бездонных и очень величественных океана. Они манят к себе.

Она не подняла взгляда.

— И я хочу, чтобы ты знала, — продолжал я, проводя большими пальцами по ее костяшкам, — даже если завтра под выстрелом пистолета в голову, в сердце, в тело, где находится моя душа, на самом последнем вздохе, когда мои органы и тело полностью откажут на грани смерти и жизни, я все равно буду думать о тебе. И ничего это не изменит. Не сейчас. Не будет.

Она вздрогнула. Сжала мои пальцы так, будто хотела оставить след.

— Прекрати, — хрипло шепнула она. — Не говори так.

Я наклонился и поцеловал ее в голубые волосы. Они пахли шампунем — чем-то сладким, почти детским. Она замерла, тяжело дыша, и я чувствовал, как ее грудь поднимается и опускается, прижимаясь к моей.

— Ты точно собираешься уходить? — спросила она, не поднимая глаз.

Я прижал ее к себе, не отпуская рук. Вдохнул запах ее волос еще раз, закрыл глаза.

— Не успеешь обмерять, наступит вечер, — сказал я. — И я снова вернусь к тебе. В этот дом. На эту кухню. За этот стол.

Она подняла на меня потемневшие глаза. Выдохнула медленно, с усилием, и я почувствовал, как расслабляются ее плечи под моими ладонями.

— Я буду ждать, — хрипло прошептала она. — Только вернись.

Я поцеловал ее в шею, в то место, где пульс бился под кожей, и почувствовал, как она выгибается навстречу. Ее пальцы скомкали ткань моей футболки на спине.

— Разве тебе сегодня не на работу? — спросил я, отстраняясь ровно настолько, чтобы видеть ее лицо. — В магазин. У вас там торты как пирожки разлетаются.

— Сегодня выходной, — выдохнула она, пряча лицо у меня на груди. — Останься.

Я обнял ее за спину, провел ладонью вверх, между лопаток, чувствуя, как напряжены мышцы под тонкой тканью.

— Мой океан, — тихо сказал я. — Я обещал сегодня человеку, что выйду на работу, пока он болеет.

Она медленно кивнула. Отстранилась. Ее пальцы задержались на моей спине, не желая отпускать.

— Хорошо, — выдохнула она. — Только помни про свое обещание.

Я кивнул. Вышел.

На улице было серо — то утро, когда небо не может решить, светить или плакать. Я подошел к машине, нажал кнопку, сел за руль. Закрыл дверь. Стекло подернулось холодом.

Прежде чем завести двигатель, я поднял голову. Окно второго этажа. Она стояла там, прислонившись к стеклу, скрестив руки на груди. Смотрела на меня. Я не видел ее лица на этом расстоянии, но знал, что она не отведет взгляда, пока машина не скроется за поворотом я нажал на газ.

Дорога заняла пятнадцать минут. Я ехал медленно, хотя опаздывал. Руки на руле, взгляд перед собой, но мысли — там, на кухне, где еще теплился ее запах. Я все еще чувствовал ее пальцы на своей спине, то место, где она сжала ткань.

Магазин встретил меня звоном колокольчика над дверью и запахом табака — сухого, терпкого, осевшего в каждой щели. Лиция уже была там. Стояла у кассы, опершись бедром о стойку, лениво водя пальцем по экрану телефона.

Она обернулась на звук двери. Скользнула взглядом по моей одежде — не торопясь, не скрываясь.

— О, подмога, — произнесла она сладким голосом. — Здравствуй.

— Привет, Лиция.

— Уже готов к тяжелой работе? — Она улыбнулась, наклоняя голову, и я увидел в ее глазах смех.

Я кивнул и прошел в маленькую подсобку. Закрыл за собой дверь. Снял куртку, повесил на крючок. Положил свой небольшой кожаный портфель на стул.

Из-за двери донесся звон колокольчика — кто-то вошел. Лиция громко постучала по столешнице кассы.

— Не прячься там! — крикнула она, и я услышал, как она смеется.

Я вышел через несколько минут. Лиция стояла у кассы, облокотившись на стойку, и я снова заметил, как на нее смотрят. Двое парней — лет по двадцать, не больше — топтались у витрины с сигаретами, но взгляды были прикованы к ней. Она улыбнулась им лениво, повела плечом, и один из них отвернулся, торопливо взял пачку и пошел к выходу, даже не глядя, что купил.

— Опять за старое? — тихо спросил я, подходя к кассе.

Лиция хмыкнула, поглаживая край стойки.

— Опять.

Я достал наушники из кармана, вставил их в уши. Взял лист бумаги и ручку со стойки и начал пересчитывать сигареты — проверять, что осталось, что нужно заказать. Музыка играла тихо, неспешно, не мешая думать. Я перебирал пачки, записывал цифры, и руки делали свое дело, пока голова бродила где-то в другом месте.

Лиция наблюдала за мной. Я чувствовал ее взгляд — не тяжелый, но присутствующий.

Звонок над дверью снова разрезал тишину. Вошел еще один парень. Посмотрел на Лицию. Она лениво вздохнула.

— Опять одни парни, — мягко произнесла она, не сводя с меня глаз.

Я только кивнул и улыбнулся.

Через несколько минут я закончил расставлять и пересчитывать сигареты. Снял наушники, повесил их на шею, и подошел к кассе. Лиция довольно кивнула.

— Быстро ты, — сказала она. — Идти мне домой?

Я улыбнулся в ответ, махнул рукой.

— Иди. А то твой парень снова будет ревновать, что ты тут опять со мной зависаешь.

Она тихо засмеялась, отталкиваясь от кассы. Накинула куртку на плечи — не надевая, просто набросив, как плащ.

— Зависнуть? — Она хитро прищурилась. — Он просто не понимает, что я люблю работать.

Она направилась к выходу, и я смотрел ей в спину, пока дверь не закрылась. Магазин погрузился в тишину. Только часы тикали на стене — размеренно, монотонно.

Я сел на стул под кассой.

Первые полчаса прошли спокойно. Никто не заходил. Я просто сидел, слушая тиканье часов, и смотрел в окно, где серая улица тянулась к горизонту. В голове было пусто и одновременно слишком полно.

Дверь звякнула.

Я поднял голову. Мужчина — лет тридцати, в потертой куртке, с нервным взглядом — стоял у входа, не решаясь подойти к кассе. Он постукивал пальцами по бедру, смотрел то на витрину, то на дверь.

— Здравствуйте, — сказал я. — Чем могу помочь?

Он сжал край куртки, шагнул к кассе.

— Две пачки «Винстон», и зажигалку, — глухо произнес он, бросив на меня быстрый, оценивающий взгляд.

— Паспорт можно вас посмотреть?

Он напрягся. Я видел, как сжались его челюсти, как дернулось плечо.

— Серьезно?

Он медленно достал сложенный паспорт из кармана куртки и бросил его на кассу. Глухой стук пластика о стекло. Я взял паспорт, проверил дату рождения, сложил обратно, передал ему.

— Все в порядке, — сказал я.

Развернулся, взял две пачки «Винстон», лениво кинул их влево на стойку, достал зажигалку. Пробил на кассе. Экран высветил сумму.

— Триста двадцать рублей. Карта или наличные?

— Карта, — буркнул он, доставая пластик.

Он ткнул картой в терминал, не сводя с меня глаз. Я настроил терминал, кивнул на экран. Он приложил карту. Зеленый свет.

— Всё, — глухо сказал он, забрал товар и вышел, не оглянувшись.

Дверь хлопнула. Тишина снова заполнила магазин.

Я опустил на стул.

И тогда в голову начали приходить мысли — те, что я откладывал всю дорогу, весь час, пока перебирал сигареты и смотрел на Лицию. О сегодняшнем утре. О том, как я держал ее руки. О том, как она сказала «останься». И о том, что я все равно ушел.

Я перебирал слова, свои и ее, искал, где ошибся. Может быть, не надо было говорить так красиво, так громко, так уверенно. Может быть, надо было просто остаться. Молча. Вдвоем. Ничего не обещая.

Может быть, нам уже стоило жить отдельно.

Мысль пришла не как удар, а как тяжесть, медленно опускающаяся в грудь. Я сжал переносицу, закрыл глаза. В голове снова и снова крутились кадры утра — ее руки в моих, ее голос, ее глаза, когда она сказала «я буду ждать».

Телефон в кармане коротко вибрировал.

Я достал его. На экране высветилось имя Фионы.

Я смотрел на мигающий дисплей. Секунду. Две. Три.

Экран погас.

Я убрал телефон обратно в карман.

Магазин был пуст. Часы тикали. Где-то за окном проехала машина, и звук растаял в сером утре.

Я сидел на стуле под кассой и смотрел на дверь, в которую она не вошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.